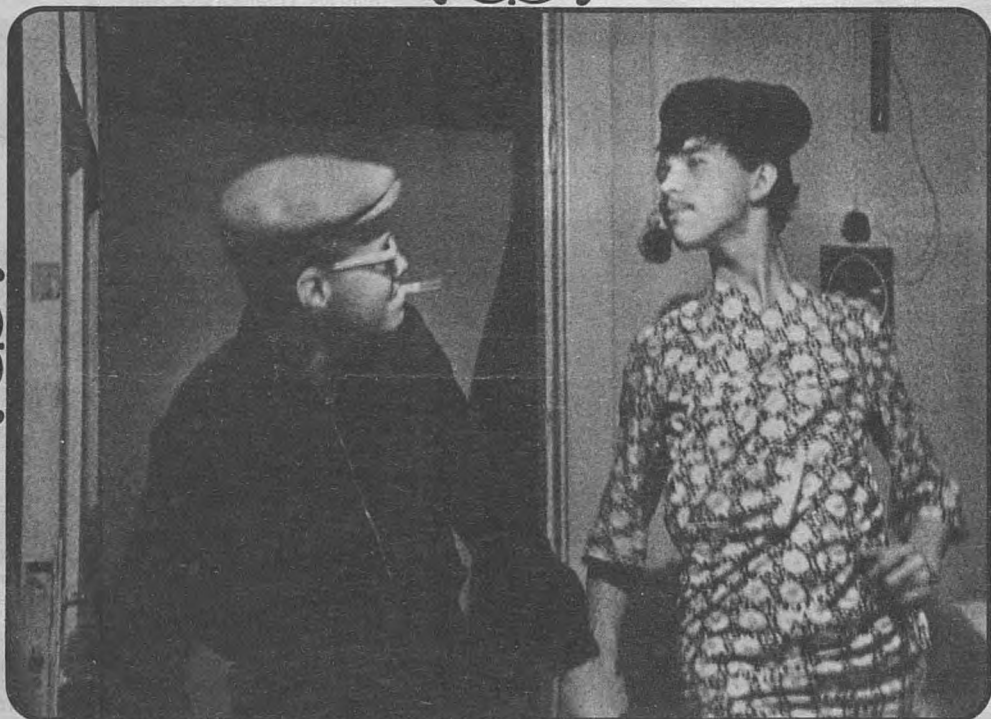

Собеседник. — 1997. — № 11. — С. 18

Вячеслав Зайцев ЛЮБИЛ НОСИТЬ ЖЕНСКИЕ ТУФЛИ

У кого-то есть Valentino, Живанши и Диор, а у нас есть модельер Зайцев. Раньше Славу никак не хотели признавать за своего: то он оторван от реальности и фасоны у него не для рабочей женщины, то вкуса ему не хватает и зря он изводит километры тканей. Между тем при очередном показе зайцевских коллекций дам просто приятных и приятных во всех отношениях оторвать от экрана невозможно. Зайцев всегда стремился делать русскую моду и представлять ее на мировых подиумах не как одежду «северных медведей». Что у него всегда и получалось.

так устал — сначала в школе, потом что-то с мамой делали по дому, — что зашел за кулисы и, ожидая своего выхода, тут же уснул. Меня уложили в кроватку, вынесли на сцену, наверное, думая, что я уже вошел в роль. Когда сквозь сон я услышал знакомые слова Анны при встрече с сыном, тут же сообразил, что я на сцене, но войти в роль не успел и, не изменив своего ломающегося голоса, басом прогремел из кроватки: «Мама, мама, я знал, что ты придешь!» Зал грохнул. Позже я сыграл в любительском театре роль брата Ленина Дмитрия, что тогда было весьма ответственно. За кулисами я обожаю таскать чемоданчик с гримом, помогая «в создании образа» и чувствуя себя при этом очень открыто. В глазах других подростков мои пристрастия делали меня крутым парнем. Мысль о том, что мое призвание — шить одежду и выражать себя в этом загадочном искусстве, пришла ко мне не сразу. В ивановском техникуме я освоил профессию художника по тканям, целыми днями просиживая в краеведческом музее и зарисовывая образцы знаменитых ситцев. Кончил его блестяще и попал в 5 процентов, которые направлялись учиться дальше — в Москву. К тому времени я был в числе первых, кто решил носить оранжевые джинсы с красной рубашкой и иметь вид наглого стилиста. Я начал замечать серость и скуку людей с улицы, и во мне зарождалось желание шокировать, делать все вопреки, за что я и получил позднее кучу пошлых обвинений и критики. Для завершения моего образования нужно было освоить конструирование костюма. Я чувствовал, как новая сфера моих занятий захватывает меня без остатка: за что бы ни упрекали мои невероятные эксперименты, я всегда знал, что в моде я на правильном пути.

Ольга ЧЕРНЕНКО.
Фото из архива Вячеслава Зайцева.

Было ли мое детство голодным, как детство почти всех детей военного времени, не помню. Но плюшка с маком, вывернутая, румяная, с хрустящей корочкой, — это первая ассоциация моего раннего детства. Под Новый год мама раскатывала тесто, и я крутился под ее ногами, с нетерпением наблюдая, как бро-

шенный на сковородку кусок

дел его только через 20 лет в Москве — после победы его усадили в лагерь за то, что был в плену. Мама стала обстирывать весь наш огромный дом. Он был действительно гигантским, но, несмотря на это, все друг друга знали и чувствовали себя одной большой семьей. Соседи звали меня Солнечным зайчиком — за то, что был блондином и всегда улыбался. Меня даже выкрадывали у мамы, унося к себе домой до ее возвращения поинтереситься и покормить. У моего старшего брата рано проявился сложный характер, и для мамы я был просто кладом — очень покладистым маленьким сыном. Когда нужно было, стоял по ночам, зажав в руках карточки, в очередях за хлебом, солью, мылом и пр. Быстро научился все делать по дому. Даже сейчас и уборку, и стирку — все делаю сам, и это доставляет мне удовольствие. Однажды к нашему дому пристроили еще одну квартиру — прямо в арке. Там поселилась девочка, ставшая моей лучшей подругой. Ее семья жила неплохо, мне нравилось бывать там в гостях. Именно она позже — когда меня как сына врага народа не взяли ни в музыкальное училище, ни в военное, убедила поступить в химико-технологический техникум на художника по тканям. А в детстве мы часто убегали, нарывали охапки цветов, а потом начинали срисовывать их на бумагу, делать рисунок для

вышивки. Я пристрастился вышивать подушечки — и крестиком, и гладью — в основном цветочными узорами. В цветах мне чудилась какая-то непостижимая удивительность мира. До сих пор, каждый раз глядя на них, я думаю, что это одно из великих чудес Бога. Книжки и вообще литература не оказывали на меня такого влияния, как природа, которую можно было рисовать. Поэтому учителя рисования меня обожали. В 45-м году в награду за участие в школьном конкурсе по пению я получил три метра серого сукна — на форму. Форму сшили, я стал ужасно горд. Со второго класса начал посещать Дворец пионеров — пел, танцевал, ездил с агитбригадой по Ивановской области и был страстно убежден, что буду артистом. Я всегда хотел где-то выступать. Выглядел, правда, этаким пупырщиком с татаро-монгольской физиономией — вся рожа в каких-то лишаях, весной лезущих с особой силой. Но я этого не замечал. От меня исходила лучезарность и жизнелюбие, я радовался каждому моменту своей жизни. В школе у меня была масса замечательных партнерш, и вообще все девочки хотели со мной танцевать, потому что двигался я фантастически, знал все классические и популярные танцы. Мама, несмотря на то, что работала уборщицей и прачкой, в жизни была тонким, обаятельным человеком. В 20-х —

начале 30-х годов она сама мечтала стать артисткой и играла в колхозном театре, разъезжая с гастролями. Это она научила меня петь, приучила замечать красоту природы. В тот период все в моей жизни развивалось по двум направлениям — с одной стороны, это была постоянная борьба с нищетой, с другой — постоянное стремление совершить что-то невероятное, удивительное. Наверно, мне все-таки хотелось как-то выделиться, выразить себя как-то особенно. Я мог прийти на новогодний вечер в любимом маминном платье, в ее туфлях на каблучке, в очках и в платке. И вообще любил переодеваться в женскую одежду. Играть на сцене. Хорошо помню, как я загордился, когда меня в 14 лет пригласили сыграть роль Сережи, сына Анны Карениной. Там есть эпизод, когда она его навещает в доме своего мужа, и Сережа, привставая из кроватки, радостно восклицает: «Мама, мама, я знал, что ты придешь!» В день спектакля я

